

Мишка

Память войны! Счастлив, кто не знает ее, и я хотел бы пожелать всем добрым людям: никогда не знать ее, не ведать, не носить раскаленные угли в сердце, сжигающие здоровье.

В.Астафьев

Это я. Мне 47, я сижу совсем один, напротив меня на стеклянной полке сидит медведь. Я пристально смотрю на него, рассматривая каждый шов на его потрепанной мордочке, смотрю на его милый вышитый нос, цветастую заплатку на голове вместо уха. Он протягивает ко мне свои лапы. Я смотрю в его черные глазки-пуговицы, и меня накрывают воспоминания...

Я маленький и не понимаю, что происходит. Не понимаю, почему мы с мамой сидим в нашем подвале после того, как какой-то дяденька сообщил что-то по радио. Я вижу, что мама плачет. Но не понимаю почему. Происходит что-то страшное?

Я еще не знаю слов «война», «горе», «ужас»...

Вдруг я слышу что-то незнакомое - странный гудящий звук. Кажется, что этот звук очень далеко и не имеет к нам никакого отношения. Но раздается резкий грохот, от которого дрожит земля под ногами, и я понимаю, что это «что-то» совсем близко. Я прижимаюсь к маме, с другой стороны маму обнимает сестренка. Мне очень хочется, чтобы страшные звуки быстрее прекратились, страх ушел, и мы вернулись в нашу квартиру. Мы опять будем играть с сестрой, и все будет хорошо...

Наконец гул и грохот улеглись, мама хватается сумки с едой и одеждой. Мы выходим из подвала на улицу. Это наша улица, но выглядит она как-то по-другому: везде дым, домов почти не видно, мелькают силуэты кричащих и плачущих людей. Мама велит нам топиться и увлекает нас куда-то вглубь улицы.

Мы проходим под аркой. Останавливаемся у больших железных дверей. Солдат провожает нас вниз по лестнице в какое-то сырое помещение. Тут уже много людей. Почти все разбирают свои вещи и стараются успокоить детей. Мне становится еще страшнее. «А что будет дальше?», «Когда все это закончится?», «Что значит «это»? Со всех сторон слышны тихие разговоры, весь шепот сливается в одно пугающее и повторяющееся слово «война». Я не знаю, что означает это слово, и от этого становится еще беспокойнее. Но я понимаю, что как раньше уже не будет...

Мне хочется есть, но еды очень мало. Мама время от времени уходит наверх. Приносит кусочки хлеба, режет ведро воды. Хлеб мы делим на троих, но его не хватает.

Со временем люди вокруг нас становятся бледными, ослабленными, исхудалыми... Я замечаю, что наших соседей становится все меньше, их места занимают другие. Здесь, в

убежище, я впервые в жизни вижу смерть. Изможденная женщина падает у меня на глазах, ее взгляд становится стеклянным и она больше не поднимается...

Потихоньку я привыкаю к существованию в убежище. Мне уже не так страшно, хотя я все еще вздрагиваю от громких звуков. Теперь мне интересно, а как там снаружи, есть ли там люди, что стало с теми, кто не успел спрятаться.

Наступает тишина, и мама решает, что можно идти домой. Мы уходим из убежища. На улице изредка встречаем людей. Они – кто в саже, кто в грязи, оборванные, в слезах, потерявшие надежду и веру, бродят меж домов словно неживые.

Мы почти у дома. Я замечаю, что сестры рядом нет. Она отстала. Внезапно раздается свист, люди жмутся к домам. Дальше яркая вспышка света, уже знакомый грохот...

Прихожу в себя в нашем подвале. Мы с мамой вдвоем. Я осознаю, что сестра не придет. Ее больше нет. Я тихонько плачу, мама меня крепко обнимает и целует в макушку мокрыми от слез губами.

Мы разбираем наши сумки. На дне одной из них мама находит любимую игрушку сестры – плюшевого медведя, набитого опилками ...

Мы живем в непрерывном голоде и холоде. Теперь мама уходит надолго. Бывает, что возвращается с пустыми руками. Сегодня она не пришла ночевать. Я жду, я плачу. Меня одолевают тревожные мысли – мама меня бросила?..

...Мне 47. Война не отпускает меня. Я постоянно возвращаюсь к ней в своих воспоминаниях, которые не имеют срока давности. Воспоминания эти останутся со мной до конца жизни. И я сделаю все, чтобы мои дети помнили, чтобы их внуки и правнуки знали о том, что их дед некогда был непосредственным участником и свидетелем тех страшных дней. И у них на стеклянной полке в серванте будет сидеть тот самый потрепанный войной мишка.

К.Макагон, 9 «А» класс